
Как сегодня возможна критика Макса Вебера? *

© 2019 г. А.Ю. Антоновский^{1**}, Р.Э. Бараш^{2***}

¹ Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

² Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, к.5.

** E-mail: antonovski@hotmail.com

*** E-mail: raisabarash@gmail.com

Поступила 14.05. 2019

Авторы проводят мысль о том, что в лекции «Наука как призвание и профессия» М. Вебер артикулировал ряд противоречий в отношении современного для него состояния и перспектив научного знания и исследовательской коммуникации. Научное сообщество представлялось М. Веберу обладающим исключительной способностью производить «объективные» (а не субъективно-оценочные) высказывания о природе и обществе. Однако именно высказанная 100 лет назад идея разграничения науки и не-науки и вытекающее отсюда суверенное право ученых определять направления научного и технического развития вступили в фундаментальное противоречие с современным обществом, в котором наука все больше профессионализируется и превращается в «государственно-капиталистическое предприятие», а индивидуальные смыслы и мотивации ученого, его представления о собственной особой миссии или призвании утрачивают смысл. И хотя сам дискурс лекции ориентирован на демифологизацию миссии современного ученого, Вебер, по мнению авторов, видит универсальную задачу науки в обеспечении ясности альтернативных позиций, а ученый выступает всеприсутствующим наблюдателем или судьёй, обозначающим перед человеком набор последствий того или иного действия. Так что научное объективное суждение оказывается в итоге суждением ценностным, а различие должного и сущего оказывается должным, то есть ненаучным. Данное противоречие авторы предлагают считать основным пунктом критики веберовской позиции применительно к интерпретации современного положения науки.

Ключевые слова: Макс Вебер, научное познание, миссия ученого, наука как призвание, профессия ученого.

DOI: 10.31857/S004287440006024-1

Цитирование: Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Как сегодня возможна критика Макса Вебера? // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 10–14.

* Исследование выполнено по проекту РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

How do We Criticize Max Weber Today? *

© 2019 г. Alexander Yu. Antonovskiy^{1**}, Raisa Ed. Barash^{2***}

¹ *Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky av. GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

² *Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 24/35, korpous 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, 117218, Russian Federation.*

** E-mail: antonovski@hotmail.com

*** E-mail: raisabarash@gmail.com

Received 14.05.2019

The idea of a special role of a scientist in modern society was expressed by Max Weber in his speech “Science as a vocation”. The scientific community was interpreted by Weber as possessing an exceptional ability to produce “objective” (and not subjectively evaluative) statements about nature and society. In this sense, the representatives of science in their Pythagorean attitude, which was shared by Kepler, Galileo, Newton, and others, until a certain time understood themselves as people endowed with the highest mission to discover and realize the divine plan for the design of the universe. However, this idea of the separation of science and non-science and (resulting from this) the sovereign right of scientists to determine the directions of scientific and technological development, has entered into a fundamental contradiction with the current situation of the society of professions. This is an idea in which science is becoming more and more professionalized and the individual meanings and motivations of a scientist, his idea of his own special mission or vocation loses its meaning. This article is devoted to the update of the ideas of Max Weber on science in modern conditions.

Key words: Max Weber, scientific knowledge, the mission of a scientist, science as a vocation, the profession of a scientist.

DOI: 10.31857/S004287440006024-1

Citation: Antonovskiy, Alexander Yu., Barash Raisa Ed. (2019) “How do We Criticize Max Weber Today?”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2019), pp. 10–14.

Рассуждения о Вебере необходимо начать с мысленного эксперимента. Что если Вебер опубликовал бы свою речь сегодня? Представляется, что его моментально «заклевали» за непоследовательности и ошибки. Как глубокий знаток мировых религий и тонкостей теологии мог приписать слова Тертуллиана «верую, ибо абсурдно» святому Августину [Weber 2017]? Не только студенты его не подправили, но и по прошествии двух лет, пока речь готовилась к публикации, этого не сделали ни редакторы, ни многочисленные коллеги-теологи. Уже сам этот факт кое-что говорит нам о существенных сдвигах в характере научного дискурса, и прежде всего о возрастающей роли критики, которая, отчасти, становится самоцелью, и во многом замешает те исходные мотивации научного поиска, об утрате которых сокрушается в своей речи Макс Вебер. И именно в этом критическом пункте возникает первый парадокс. Вебер так сформулировал тезис, что всякая критика столкнется с парадоксом. Если мы отклоняем его основной тезис о недостижимости подлинного бытия, окончательной истины, то мы лишь подтверждаем веберовский тезис о том, что всякая истина

* The research was performed within the project supported by Russian Science Foundation № 19-18-00494 «The mission of scientist in the modern world; science as profession and vocation».

живет сравнительно недолго — окончательной истины сформулировать вам никогда не удастся. В целом, эта статья перенасыщена такими парадоксальными смыслами. Один из них вытекает из неокантианского бэкграунда Вебера и касается условий возможности современной науки.

И здесь мы видим парадокс, связанный с очевидной несовместимостью двух ключевых идей или, лучше сказать, дистинкций. В первую очередь, Вебер проводит жесткую демаркацию науки через различение научных, предметно-истинностных высказываний и ценностных суждений. Именно эта идея предметной демаркации истины и ценности была востребована и понималась как суть работы. Вторая, на наш взгляд более глубинная, идея временной демаркации внутри науки: между прошлой наукой, претендующей на реконструкцию божественной воли и подлинного бытия, науки как необходимой предпосылки человеческого счастья и благоденствия общества, и наукой современной Веберу. Прошлая наука (Кеплера и Галилея, Коперника и Ньютона) действительно могла претендовать на особый выделенный статус в обществе, на особую миссию ученого как выделенного наблюдателя. Это собственно и составляло призвание ученого (Beruf).

Наука современная — это, прежде всего, проектная наука. Срок жизни истинных утверждений составляет, по мнению Вебера, 10–30 лет. И здесь его прогнозы, безусловно, оправдались. Сегодня именно долговременные, притязающие на универсальность «гранд-теории» сталкиваются с трудностями финансирования (в особенности, в социальных науках), а поддержку получают, как правило, 3–5-летние проекты. Никакой миссии по приоткрыванию божественного предопределения у ученого больше нет, ведь современная наука утратила функцию, которая была у протестантской веры: связывать экономический успех и замысел бога, в отношении предопределенного к спасению человека, т.е. его подлинное бытие. В нынешней науке эта связь распалась. Успех научного исследования ценен сам по себе, а подлинное бытие, благо и спасение людей уже не являются связанными с этим переменными. Но тогда что же все-таки мотивирует исследователей в этих условиях, какого успеха ждет ученый, какая функция у науки? Это ключевая проблема речи Вебера.

Первая идея — это идея объективности, сам предмет выступает в роли truth-maker'a суждения в предметно-тематическом измерении научного дискурса. А в суждении о ценности (законов, тех или иных форм жизни или культуры) такого производителя истинности не наблюдается. (В аналитической философии сознания, правда, говорят о некоем Wish-maker'e, т.е. о производителе желания или потребности, как своего рода «заместителе» предмета в ценностном суждении.) Вторая идея — идея отказа от истинностных притязаний науки во временном измерении.

Связующим звеном между двумя дистинкциями, на наш взгляд, выступает идея двойной демаркации науки во времени и пространстве: с одной стороны, от других форм культуры и социальности в некоем социальном пространстве, и, с другой стороны, демаркации современной науки и ее прошлых устаревших форм в социальном времени. Для этого Вебер предлагает несколько признаков современности (одновременно — условий успеха) науки, которые и дают ответ на главный вопрос — в чем миссия ученого в современном обществе, в котором вообще-то ни у кого не должно быть выделенной миссии?

Безусловно, идее выделенной миссии ученого противоречит общий пафос речи. И в этом состоит загадка Вебера: зачем вообще это саморазоблачение? Зачем демифологизировать сакральную роль ученого — провидца и ясновидца? Это ведь подрывает легитимность научных институтов и самих ученых как властителей духа — современных мудрецов и пророков. Но Вебер демифологизирует и расколдовывает, в том числе и сакральную роль мудреца и ученого, и этим, вновь парадоксальным образом, как раз и подтверждает свою концепцию расколдовывания и рационализации. Он не щадит никого, в том числе и самого себя — ученого-социолога. Если ученый расколдовывает мир, то и сам должен быть расколдован. Здесь Вебер проделывает тот же самый самореференциальный трюк, что и в вопросе с критикой.

В результате деконструкции миссии ученого и возникает искомое понятие современной науки [Лекторский и др. 2008].

Вебер заявляет о том, что ценность науки не может быть доказана; и тут же пытается ее доказать. Ценность науки и одновременно призвание ученого, оказывается, состоят в том, чтобы обеспечить ясность определения противоположных ценностных позиций. Ученый не является «вождем» (и научная коммуникация тем самым демаркируется от политики [Касавин 2017; Бараш 2017]), но он, однако, предстает «судьей», правда, без права выноса решающего суждения. Пусть он не способен раскрыть замысел бога, зато сам как бы занимает позицию бога. Он, как всеприсутствующий наблюдатель, наблюдает мир одновременно со всех (и ценностных, и объективных) позиций, и предлагает человеку осуществить свой свободный выбор: между ценностной (религиозной, эстетической) точкой зрения и объективным, научно-ориентированным взглядом.

И снова возникает парадокс: партикуляризм науки состоит в ее универсальности, в мировоззренческой всеохватности. Наука не принуждает к занятию позиций, но показывает человеку, какие последствия имеет то или иное действие, реализующее ту или иную мировоззренческую или ценностную ориентацию. Так, если индивид разделяет некоторую фанатичную религиозную позицию, тогда придется считаться с определенными последствиями в защите своих ценностей. Мировоззренческие карты благодаря науке оказываются вскрытыми.

С одной стороны, этот взгляд, конечно, поднимает ученого на мировоззренчески выделенную позицию, он видит больше, и в этом смысле является наблюдателем второго порядка [Антоновский 2017^a; Антоновский 2017^b]. Но содержательно это лишь несколько конкретизирует исходный веберовский тезис: призвание науки в том, чтобы произвести демаркацию мира объективных и субъективно-ценностных суждений. С другой стороны, здесь добавляется и новый элемент. Теперь Вебер говорит о том, что такая демаркация есть выражение нравственного долга. Т.е. научное объективное суждение оказывается еще и ценностным [Касавин 2014].

И этот тезис имеет ключевое значение для анализа работы Вебера: различие между должным и сущим само оказывается должным, а значит, в веберовском смысле – ненаучным. И здесь можно было бы обозначить главный пункт критики веберовской позиции, но он, правда, в некотором смысле сделал это уже сам. Итак, все суждения являются либо ценностными, либо истинностными. Но куда отнести, суждение, различающее между ними? Вебер решает, что оно и то, и другое. На наш взгляд, это правильное решение, но только... оно отменяет саму жесткую границу между двумя мирами.

Primary Sources in German

Weber, Max (2017) *Wissenschaft als Beruf*, Matthes & Seitz Verlag, Berlin.

Ссылки – References in Russian

Антоновский 2017^a – Антоновский А.Ю. Эволюционный подход к развитию науки. К русскому переводу работы Н. Лумана «Эволюция науки» // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 201–214.

Антоновский 2017^b – Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 158–171.

Бараш 2017 – Бараш Р.Э. «Истина» и «власть» как категории социальной философии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 120–134.

Касавин 2014 – Касавин И.Т. Интерактивные зоны: к предьстории научной лаборатории // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 12. С. 1098–1106.

Касавин 2017 – Касавин И.Т. Нормы познания и познание норм // Эпистемология и философия науки. 2017. Том 54. № 4. С. 8–19.

Лекторский и др. 2008 – Конструктивизм в философии и науках о человеке (материалы круглого стола). Участники: Лекторский В.А., Пружинин Б.И., Антоновский А.Ю. и др. // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3–36.

References

- Antonovskiy, Alexander Yu., (2017^a) “Evolutionary Approach to the Development of Science. On the Russian Translation of N. Luhmann’s *Evolution of Science*”, *Epistemology & Philosophy of Science*, 52, 2, pp. 201–214 (In Russian).
- Antonovskiy, Alexander Yu., (2017^b) “Science as a Social Subsystem. Niklas Luhmann about Mechanisms of Social Evolution of Knowledge and Truth”, *Voprosy filosofii*, Vol. 7 (2017), pp. 158–171 (In Russian).
- Barash, Raisa Ed. (2017) “*Truth and Authority as categories of social philosophy*”, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 5, pp. 120–134 (In Russian).
- Kasavin, Ilya T. (2014) “Interactive Zones: on the Prehistory of the Scientific Laboratory”, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 84, 12, pp. 1098–1106 (In Russian).
- Kasavin, Ilya T. (2017) “Norms in cognition and cognition of norms”, *Epistemology & Philosophy of Science*, 54, 4, pp. 8–19 (In Russian).
- Lektorsky, Vladislav A. et al. (2008) “Constructivism in epistemology and sciences about the person (a round-table discussion)”, *Voprosy filosofii*, Vol. 3 (2008), pp. 3–36 (In Russian)

Сведения об авторах

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доцент кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

БАРАШ Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии Наук.

Author’s information

ANTONOVSKIY Alexander Yu. – DSc in Philosophy, Leading Researcher (IPRAS), Docent (MSU), Project Researcher (RSHPS, «Russian Society for History and Philosophy of Science»).

BARASH Raisa Ed. – CSc in political sciences, Senior Researcher (FCTAS RAS).